

ձևին, ընդունել է այդ տարրնիբրցվածը: Ճիշտ է, ձեռագիրն ունի վնասված տեղեր, բայց բառն ընթերցելի է՝ գ. ո. ազուն (ձեռ. № 7709, էջ 99ա): Ըստ ժամանակագրության՝ օգտագործված ձեռագրերից սա հնագույնն է՝ 1608 թ.: Սակայն եթե իրականում սա ամենահին ընդօրինակությունն էլ չի լինի, դժվար չէ նկատել, որ բառի գրության այս ձևից է ծագել հետագա գրիչների շփոթությունը, բացառությամբ մեկի (ձեռ. № 9271): Նրանք գ. ո. ազուն բառը կարգացել են գ նախդիրը համարելով թվատառ՝ վեց, որ սխալ է, ու տառը՝ հազար, որ ճիշտ է: Քննական-համեմատական նոր ընդգիրը կարող էր սրբագրել այս սխալը:

Գեղարվեստական ճաշակի հարց է, իհարկե, թե որ ձևն է նախընտրելի՝ աստղանքս, թե՞ աստղունքն, ծաղկունքս, թե՞ ծաղկունքն, իմ

կողմնից, թե՞ իմ կողմնից և այլն, բայց բնագրի ճիշտ վերծանման ու վերականգնման ոչ բնավ երկրորդական հարց է՝ վեցհազարագուն, թե՞ զհազարագուն ընթերցվածը:

Այս թերությունները, անշուշտ, մասնակի բնույթ ունեն: Ա. Դոլուխանյանի «Ներսես Մոկացի» գիրքը հարստացնում է միջնադարյան հայ գրականության ուսումնասիրությունը մի նոր և ուշագրավ ուսումնասիրությամբ՝ առաջին անգամ ամբողջացնելով բանաստեղծի գրական գիմանկարը և հրապարակի վրա դնելով նրա ստեղծագործությունների քննական-համեմատական բնագրերը՝ պատրաստված սիրով ու բարեխղճորեն:

Ա. ՂԱԶԻՆՅԱՆ

Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters. Greek Text and English Translation by R. J. H. Jenkins and L. G. Westerink, „Dumbarton Oaks Texts“, II, Washington, 1973, XXXIX+631 стр.

Послания константинопольского патриарха Николая I, греческий текст и английский перевод Р. Дж. Х. Дженкинза и Л. Дж. Вестеринка. «Dumbarton Oaks Texts», II, Вашингтон, 1973, XXXIX+631 стр.

Письма Николая Мистика, патриарха константинопольского (901–907, 912–925) были доступны до сих пор по изданию А. Маи (перепечатано в «Патрологии» Мия)¹, основанному на позднем Ватиканском списке (Vatic. gr. 1780, XVI в.). В настоящем издании использована Патмосская рукопись (Patmos. 178, X–XI вв.), сохранившая основную часть эпистолярного наследия Николая (послания № 1–163; на самом деле их более 163, так как издатели выделяют 47 I и 47 II, 95A, 101A, 157A, — всего, следовательно, 167 номеров), а также Венская (Vindob. phil. 342, XII в.), содержащая небольшое количество писем — в другой последовательности и часто с существенными разночтениями; особенно важно наличие полного текста письма № 47 II, испорченного в Патмосском манускрипте. Патмосская и Венская рукописи лишь эпизодически привлекались (главным образом Р. Дженкинзом) для восстановления текста посланий Николая (№ 32,

40, 47, 49, 114). Помимо этого, ряд писем патриарха включен в другой Патмосский эпистолярный сборник (Patmos. 706, XII в.), семь из них содержатся также в Patmos. 178; кроме того, 21 послание, приписанное в сборнике маиистру Симеону, логофету драма, атрибутировано издателями Николаю Мистикю (№ 164–183)². Наконец, небольшая группа писем (№ 184–190) публикуется по рукописи библиотеки св. Ангела в Риме — Angelicus 13 (XI в.): ранее они были известны только по старому изданию XVIII в.³

² Изданы впервые: J. Darrouzes *Epistoliers byzantins du Xe siècle*, Paris, 1960, стр. 99–163. Даррузес считал возможным видеть в Николае автора еще семи посланий (шести, впрочем, под вопросом) — издатель рецензируемой книги Л. Вестеринк отводит его атрибуцию, хотя и признает, что эти семь посланий вышли не из-под пера Симеона (стр. XXXIII и сл.).

³ P. Lazari, *Miscella eorum ex manuscriptis libris bibliothecae Collegii Romani Societatis Jesu*, vol. II, Roma, 1757, стр. 5.9–553.

¹ A. Mai, *Spicilegium Romanum*, X, 2, Roma, 1841, стр. 161–410; J. P. Migne, *Patrologia graeca*, t. 111, Paris, 1863, столб. 27–392.

Покойный Р. Дженкинз подготовил текст и английский перевод первых писем (№ 1—163). Послания № 164—190 изданы и переведены Л. Вестеринком, который также просмотрел первую часть и внес в нее ряд исправлений. Кроме того, им составлены резюме всех писем с указанием литературы, обоснованием датировки и определением адресатов; ему же принадлежат и указатели имен, терминов, редких греческих слов, цитат и начальных фраз писем. Реальный и филологический комментарий, как правило, отсутствует.

Письма Николая Мистика — важный источник по внешнеполитической истории Византии и сопредельных стран первой четверти X в. Особенно большое значение имеют они для изучения болгаро-византийской войны, но и письма, касающиеся Кавказа, уникальны, особенно если учитывать скудость сохранившихся от этого времени источников по истории Армении, Грузии и их соседей. Рассмотрим основные свидетельства Николая Мистика о Кавказе.

Письмо № 101, адресат которого не назван в рукописи, разделено Дженкинзом на две части: первую часть он считает письмом, адресованным царю Армении Ашоту II в связи с признанием за ним титула архонта архонтов (по Дженкинзу, в 922 г.), вторую — посланием католикосу⁴. Если адресатами 101-го письма, писал далее Дженкинз, считать армянского царя и католикоса Армении, то его отдельные детали становятся вполне понятными.

101-му и 139-му посланиям патриарха Николая Мистика один из авторов данной рецензии посвятил специальную статью, в которой были даны и их полные переводы на армянский язык⁵. Но написанная по-ар-

мянски статья осталась недоступной византинистам, поэтому считаем необходимым остановиться здесь на ее основных выводах.

Для понимания содержания адресованных армянам посланий Николая Мистика необходимо учесть данные «Истории Армении» католикоса Иоанна Драсханакертци, в которой, помимо прочего, говорится о переписке последнего, а также армянского царя с патриархом Николаем и византийским императором. В «Истории» прямо говорится, что и до Ашота II между армянским католикосом, а также царем Армении Смбатом (890—913 гг.), отцом Ашота II, шла оживленная переписка. Католикос пишет, что «царь ромеев Лев (886—912 гг.) заботился о царя Смбате словно о любимом сыне, он заключил с ним обет верной любви и каждый год посылал ему почетные дары. Смбат на благодеяния царя ромеев отвечал щедрыми дарами, воздавая ему десятиницей, как полагается воздавать вышестоящему и родному отцу»⁶. Католикос Иоанн пишет далее, что Лев, узнав о тяжелом положении Армении, приказал отправить в помощь Смбату большое войско, но смерть императора помешала осуществлению этого мероприятия⁷. Это — свидетельство того, что в 912 г. переговоры об оказании военной помощи Армении Византией действительно состоялись и что Византия поспешила воспользоваться тяжелым положением в Закавказье, выступив под личной спасителя страны от арабской опасности. В действительности этот шаг был не чем иным, как началом развернувшейся позже завоевательной политики империи. На данном этапе в этой политике важную роль играл патриарх Николай Мистик. Он обратился с письмом к католикосу, находящемуся тогда (после освобождения из арабской тюрьмы) у абхазского куропалата Адарнасе. Константинопольский патриарх обещал Иоанну Драсханакертци: «Наш самодержавный и боговенчанный царь... пошлет вам на помощь большое

⁴ R. Jenkins, Letter 101 of the Patriarch Nikolas Mystikos, „Byzantion“, XXXI, 1961. Перепечатано: R. J. H. Jenkins, Studies on Byzantine History of the 9th and 10th Centuries, London, 1970, pt. XVIII, с р. 75—80. Л. Вестеринк (стр. 566 и сл.) хотя и считает предположение Дженкинза возможным, все же высказывает сомнения в его основательности и хочет видеть в «вассальном князе» скорее Ландульфа Капуанского, а в духовном лице — архиепископа Отранто.

⁵ Հ. Զ. Բաբայան, Կոստանդնուպոլսի պատրիարք Նիկողայոս Միստիկոսի 101-րդ

և 139-րդ թղթերը՝ ուղղված Հովհաննես Դրասխանակերտցուն և Սմբատ և Սաափորին: «Պատմա-բանասիրական հանդես», 1966, № 4, стр. 251—256.

⁶ «Յովհաննու կաթողիկոսի Դրասխանակերտցոյ Պատմութիւն Հայոց», Երֆուս, 1912, стр. 199—200.

⁷ Там же, стр. 233.

войско, чтобы и куропалат, глава абхазцев, князья и вельможи армян в союзе с нашими войсками, с великой божьей помощью и вашим верховным священнодействием, выступив против врага, одолели сатану, спутника погибелн»⁸.

Католикос Иоанн Драсханакертци некоторое время спустя обратился к Константину Багрянородному с письмом, прося военную помощь против иноплеменных⁹. Летом 914 г. в Константинополь отправился Ашот III¹⁰ и, получив военную помощь, возвратился в Армению¹¹. По всей вероятности, оказав эту помощь армянам, Византия решила утвердиться в Армении. К такому выводу можно прийти на основании посланий 101 и 101А Николая Мистика. Из посланий видно, что Ашот желал, чтобы Византия признала его царем (αρχὸν τῶν ἀρχόντων) Армении. Империя пошла ему навстречу: «Великий и боговечный император — пишет Николай Мистик в письме 101А, — благосклонно вняв вашим (т. е. католикоса) просьбам, исполнил их и пожаловал правителю вашей страны почеть, которую тот жаждал получить» (стк. 1—3). И в конце послания мы читаем о разуме «получившего в удел (λαχόντος) власть над вами» (стк. 10). Дженкинз, впрочем, переводит просто Prince's Wisdom (стр. 373).

Вероятно, здесь имеется в виду вступление на престол Ашота II. Если это так, то 101-е послание Николая Мистика могло быть написано в 914/915 гг., точнее — в 915 г., сразу же после возвращения Ашота II из Константинополя с византийской военной помощью. Дженкинз датирует послание 922 г., что неверно, ибо, как мы увидим ниже, в 922 г. армяно-византийские отношения были враждебными.

139-е послание адресовано «архонту архонтов» (αρχὸν τῶν ἀρχόντων). Так называли византийцы армянского царя. В послании не указано ни время его написания, ни имя адресата. Дженкинз и Вестеррик вслед за Грюмелем¹², имея в виду упоминание в нем кончины католикоса, да-

тируют письмо 924/925 гг., временем кончины католикоса Иоанна Драсханакертци, а адресатом его считают Ашота II. Из письма Николая следует, что армянские послы соглашались на поставление следующего «архиерея» (католикоса) в Константинополь; в соответствии с этим патриарх просил армянского царя прислать в византийскую столицу подходящего кандидата, дабы тот овладел «догмой благочестия» и, получив рукоположение, возвратился к «Вашему сиятельному благородству» и подвластному царю народу. Николай подчеркивал, что между обоими государствами существует политический союз («дружба», ֆրէնդ) и что теперь необходимо достигнуть единоверия, которое пытался установить еще Фотий, когда по этому вопросу велись переговоры, устные и письменные.

И датировка послания, данная Грюмелем и Дженкинзом, и указанный ими адресат вызывают сомнения. Дело в том, что католикос Иоанн умер не в 924/925 гг., а в 929 г.¹³ Николай Мистик, скончавшийся в 925 г., не мог упомянуть о смерти Иоанна. Если даже мы примем встречающуюся в армянских источниках самую раннюю (неверную!) дату смерти армянского католикоса — 926 г., то и тогда Николай не мог писать его преемнику.

Из 139-го послания видно, что Армения находилась в безвыходном положении, иначе византийский патриарх в своем послании армянскому царю не осмелился бы называть халкидонитское вероисповедание «лучшим» по сравнению с монофизитством армян, а последнее — древней дурной ветрой (քրիստոնեայի չափաշատիւն), обманом (վաճառ) (стк. 22—23). Если бы Армения не находилась в безвыходном положении, армянский царь не согласился бы, даже притворно, чтобы армянский католикос был рукоположен в Константинополе халкидонитским патриархом.

Армянский царь и католикос давали Византии надежду на распространение ее верховной власти в Армении, чтобы с ее помощью изгнать из страны иноплеменных.

⁸ Там же, стр. 268.

⁹ Там же, стр. 282.

¹⁰ Там же, стр. 285; Theoph. Cont., стр. 387.

¹¹ Գրախոսություն, стр. 292—293.

¹² V. Grumel, Les Regestes, № 717, стр. 197 сл.

¹³ Մ. Օրմանյան, Աղգապատմություն, Երևան, 1964. Malachia Ormanian, The Church of Armenia, her history, doctrine, rule, discipline, liturgy, literature and existing condition, London, 1955, стр. 99.

Католикос Иоанн в послании Константину Багрянородному прямо писал об этом, говоря о желании армян избавиться от исмаилитов и стать под покровительство империи¹⁴ и призывая империю «спасти удел *своего наследства*»¹⁵, т. е. Армению.

В 924/925 гг. положение Армении было совершенно иным. Арабской опасности тогда не было. Незадолго до того халифат вместо Юсуфа назначил наместником Атропатены Сбука, который от имени халифа признал Ашота II шахиншахом, установил с ним «обет мирного единодушия» (*միմտ ճիշտանական խաղաղութեան*)¹⁶. Халиф отправил Ашоту II и царскую корону¹⁷. В подобных условиях армянский царь вряд ли так унизился бы перед Византией ради получения военной помощи (против кого?) и согласился на то, чтобы армянский католикос был рукоположен в Константинополе, а в Армении распространилось бы халкидонитство, как на это намекает Николай Мистик.

Датировать 139-е письмо 924/925 гг. ошибочно и по другим соображениям. В это время армяно-византийские отношения были враждебными, армяне теперь, наверное перед византийской опасностью, заключили с арабами союз именно против империи: «На втором году своего царствования (922 г.), — пишет Степанос Таронаци, — он (т. е. Роман I) собрал многочисленное войско и под начальством Демесликоса (т. е. domestика Иоанна Куркуаса) отправил его в город Дёвин, где находился эмир Себук, *пригласивший к себе на помощь в город Шахан-шаха Ашота*. Войско греческое осадило Дёвин, но не быв в состоянии взять его, принуждено было снять осаду»¹⁸.

К царю Армении могли обратиться с письмом такого содержания только в самое трудное для страны время, во время тягостного правления эмира Юсуфа, а именно в начале 10-х годов X в. Но такая датировка наталкивается на следующую трудность: в послании Николая Мистика говорится о смерти католикоса, но Иоанн

Драсханакертци патриаршествовал с 898 до 929 г. и другого католикоса Армении в эти годы не было. Как же объяснить упоминание кончины католикоса?

В начале 10-х гг. X в. в Армении свирепствовал арабский наместник Атропатены Юсуф. В числе многих он схватил и католикоса Иоанна, которого переводил из одной тюрьмы в другую и, наконец, заключил его в Двине. В «Истории Армении» католикос пишет: «Меня он (т. е. Юсуф) бросил в двинскую тюрьму в железных кандалах, затем меня подвергли поношениям и *смертью пахнувшим* истязаниям и наказаниям, забили в оковы тамошние *казнители*, помещали в темницы и тюрьмы, в мрачные и темные места, в ямы и глубокие рвы, подвергая тяжким, горестным, невыносимым мукам»¹⁹.

Вместе с католикосом Иоанном были брошены в тюрьму армянские нахарары и князья, многие из которых, в том числе родственники царя Смбата, были казнены Юсуфом²⁰. Смбат, вероятно, был уверен, что католикос не выйдет живым из рук арабов; долговременное пребывание католикоса в тюрьме, по-видимому, заставило царя думать об избрании нового католикоса. Не исключено, что Смбат захотел использовать это обстоятельство для получения византийской военной помощи, ради которой и дал согласие на рукоположение нового католикоса в Константинополе. Если это так, то 139-е послание Николая Мистика могло быть написано в самом начале второго патриаршества Николая Мистика, в 912/913 гг., т. е. в конце царствования Смбата I; оно отправлено не Ашоту II, а его отцу Смбату I. Как известно, царь Смбат был убит тем же эмиром Юсуфом в 913 г.

Письмо № 91 адресовано куропалату [Ивирин], которым мог быть либо Адарнасе IV (891—922/3), либо Ашот II (922/3—954). Вестеринк (стр. 563) склоняется ко второму решению и соответственно датирует послание концом патриаршества Николая (923—925). Содержание письма довольно скудно: мы узнаем лишь о трудностях, которые препятствовали куропалату писать патриарху. Наставления же Николая (естественные в письме к молодому правителю, только занявшему престол)

14. *Դրասխանակերտցի*, стр. 282.

15. Там же, стр. 280.

16. Там же, стр. 315.

17. Там же, стр. 300.

18. «Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика по прозванию, писателя XI столетия». Переведена с армянского и объяснена Н. Эмным, М., 1864, стр. 116.

19. *Դրասխանակերտցի*, стр. 215.

20. Там же, стр. 224—225.

весьма банальны и не содержат конкретных фактов.

Ряд писем был направлен правителю (αἰετοβασίλευς) Авагнии. В одном из них адресат прямо назван Георгием (№ 162.1) — это Георгий II, правивший в 916/7—960/1 гг. Николай в соответствии с «царским заявлением» просит Георгия о союзе (συνδύχῃ) в войне с болгарами; как и архонт архонтов, Георгий именуется «другом» (φίλος) империи (№ 162.13—17). Вестерник (стр. 585) ориентировочно датирует письмо № 162 924—925 гг. Если все эти даты верны, можно видеть, что в 922—925 гг. византийское правительство и патриаршество активно действовали на Кавказе, стремясь привлечь Иверию и Авагнию к союзу против болгар.

Два письма правителю Авагнии касаются византийской миссии в Алании. В одном из них Николай благодарит адресата за рвение в крещении племени аланов и их архонта (№ 51.6—11), в другом — просит о поддержке архиепископа Алании (№ 46.21—28). Естественно допустить, что письмо № 51 предшествовало № 46 и было послано в самом начале миссионерской деятельности в Алании: Вестерник предполагает, что письмо № 51 было адресовано Константину III (898/9—916/7), а № 46 — только что вступившему на престол Георгию II, о кончине отца которого соболезнующе упоминает Николай (стр. 547—549). Таким образом, письмо № 46 было послано около 917 г., а № 51 раньше. Когда же именно? По Вестернику, это имело место в 914—916 гг., поскольку Петр, архиепископ Алании, не выезжал из Константинополя до 914 г. Но в письме-то как раз не говорится об аланском архиепископе — и, может быть, правильнее было бы датировать его временем до 914 г. В. Грюмель отнес это письмо к 902 г., поскольку ибн-Руста уже около 903 г. считал аланов христианами²¹, но Вестерник не принимает датировки Грюмеля, так как считает, что все сохранившиеся письма Николая относятся к его второму патриаршеству, т. е. к 912—925 гг. (см. стр. XXX).

²¹ V. G r u m e l, La date de la conversion des Alains. „Echos d'Orient“, 33, 1934, стр. 57 сл. Отметим попутно, что Вестерник не упоминает специальной работы Ю. Кулаковского «Христианство у алан» («Византийский временник», 5, 1898).

Вопрос о крещении Алании вообще занимает важное место в переписке патриарха. Один из посланцев патриарха к Симеону Болгарскому в 917 г. (?) — игумен олимпийских подвижников, проповедовавший одно время среди аланов (№ 9.265—269). Скорее всего это тот Евфимий, «наш благочестивейший сын и брат», который насаждал христианство среди аланов еще до Петра, а затем был послан в Аланию вторично, на помощь Петру (№ 135.86—99). Проблематичнее отнесение к миссионеру Евфимию письма № 148, адресованного монаху Евфимию²², хотя весьма знаменательно совпадение формул в этом письме (№ 148.7) и в письме Петру Аланскому (№ 134.2). Вестерник считает его и [анонимным] адресатом письма № 79 (стр. 559).

Петр Аланский был рукоположен Николаем (№ 135.20—22). Два письма ему (№ 52 и 133), по мнению Вестерника, дубликаты (стр. 577). В самом деле, оба начинаются с заявления, что Петр огорчил Николая, упрекнув его в забывчивости (№ 52.3—4, № 133.3—4, 16—17), и далее в обоих упомянута «память о тебе» (№ 52.9, № 133.42—43). Однако ситуация, в которой находился Николай, описана по-разному. «Я писал тебе не раз, но дважды и трижды», — говорит он в одном письме (№ 52.11—13), но его письма не доходили, — в другом же он жалуется: «Нет у меня людей для доставки писем, ибо я в таком положении, что большинство боится со мной соприкоснуться» (№ 133.49—50). В письме № 52 акцент стоит на утешении Петра в его трудностях, в письме № 133 — на своих бедах. Нам непонятно, почему Вестерник (стр. 577) считает описание этих бед неподходящим к ситуации 906—907 гг., которая завершилась ссылкой Николая, и относит его к 914—916 гг., когда патриарх не подвергался опасности и продолжал участвовать в государственном управлении.

В письме № 52 патриарх советует разрешить трудности, связанные с браком аланов, отечески, особенно применительно к правящим лицам (стк. 75—86). В письме № 133 он тоже затрагивает вопрос о «нечестивом браке», но решает его иначе, рекомендуя избегать его хотя бы в дальней-

²² I. Ch. Konstantinides, Nikolaos I ho Mystikos, Athenai, 1967, стр. 95, прим. 3.

шем (стк. 61—64). Другие письма Петру малосодержательны (№ 118 и 134), а послание № 135 примечательно совпадением некоторых формул с упомянутым выше письмом № 52 (№ 135.44—45 и № 52.60, № 135.50 и № 52.72). Может быть, № 135 и № 52 хронологически близки — в отличие от более раннего № 133?

Для истории Кавказа весьма существенно наличие какой-то связи Алании и Авастии. По другим источникам известно, что в глазах византийцев XI—XII вв. аланы даже смешивались с авастами. Находились ли аланы, чьи владения простирались до границ Хазарии, в вассальной зависимости от Авастии? Переписка Николая Мистика позволяет во всяком случае поставить этот вопрос.

Византийцы стремились одновременно насадить христианство и в Хазарии. Николай пишет, что хазары направили в Константинополь послов и просили прислать епископа для хиротонии священников и наставления в вере (№ 68.12—15). Примечательно при этом, что пропаганда в Хазарии осуществлялась не через Кавказ (Авастию и Аланию), а через Крым: патриарх отправил в Хазарию архиепископа Херсона, наказав ему по завершении всего необходимого вернуться обратно в Херсон (№ 68.15—18). Вестерник (стр. 554 и сл.) датирует это письмо 919 — первой половиной 920 г. Довольно неопределенное упоминание византийских миссионеров, действующих в пустынной местности, среди чужеобычных людей, мы встречаем еще в одном письме (№ 79.19—20), которое Вестерник относит к 912 г. (стр. 559): он склонен связывать это послание скорее с аланской, нежели с хазарской миссией.

С юго-запада к областям Кавказа прилетала в начале X в. византийская фема Халдия (область Трапезунда). Она также неоднократно привлекала внимание Николая. В Халдии, по-видимому, было неспокойно: в одном из посланий идет речь о том, что в нарушение порядка епископия митрополита Халдии превращена в архиепископию (№ 74.18—20). По мнению Вестерника (стр. 557), речь идет о повышении в ранге самого митрополита Трапезунда, однако «епископия митрополита Халдии» может означать и подчиненную (суфраганную) ему епископию — именно в этом случае понятны тревога патриарха и настоятельное требование прислать в столицу того,

кто осмелился действовать подобным образом: ведь в византийской терминологии митрополия практически не отличалась от архиепископии и ряд митрополитов именовался архиепископами. Тем более кажутся недостаточно обоснованными рассуждения Вестерника о том, что упомянутым митрополитом Халдии был Василий, известный по надписи 913/4 г., равно как и предложенная им датировка письма временем около 913 г. Василию, митрополиту Халдии, адресованы два других письма — № 114 и № 128. Последнее весьма интересно. Называя адресата человеком божьим и старающимся исполнять заповеди бога, патриарх рекомендует Василию терпеливо переносить болтовню «тех, кого ты называешь еретиками» (№ 128.16—23). По толкованию Вестерника (стр. 575), еретики — это политические противники Николая, евфимиане, и письмо должно относиться к периоду схизмы сторонников Евфимия и Николая, к 914—918 гг. Не говоря уже о том, что такое истолкование противоречит попытке усмотреть в нарушителе порядка из письма № 74 самого Василия, следует учесть, что Николай никогда прямо не называл евфимиан еретиками. Еретики, действовавшие в Халдии, по соседству с Арменией, это скорее всего монофиситы, сторонники армянской церкви. В борьбе против них патриарх не ограничивался призывами к терпению, но и обращался за поддержкой к стратигу (стк. 14). Епископы и священники, подвергшиеся побоям, продолжает Николай, должны получить помощь: он направил соответствующим лицам докладную записку (стк. 31—33). И все-таки эти епископы и священники должны стараться смягчить суровость архонтов своей мягкостью, а не возбуждать собственным упорством в них еще большее упорство (стк. 36—39).

Если наше предположение верно, то в Халдии еретики (монофиситы) приобрели (внезапно?) большое влияние, причем они пользовались поддержкой архонтов и могли подвергнуть насилью старую церковную администрацию. Не связано ли с этими событиями и возведение одной из епископий Халдии в ранг архиепископии? К какому времени все это могло относиться? Письма не дают прямых данных.

До сих пор почти не привлекали специального внимания сведения по внутренней и особенно по церковно-административной

истории Византии, содержащиеся в переписке Николая. Многие письма говорят об имуществе храма св. Софии: мы узнаем о деревне, которая поставляла св. Софии пшеницу — как для выпечки освященного хлеба, так и для пропитания патриарха и других лиц, служивших в храме (№ 59.6—11); о людях, которые издавна выполняли повинность по снабжению храма капустой и потому подлежали освобождению от государственных повинностей (№ 152.3—10); о руге в 40 литр, выдаваемой св. Софии из казны (№ 72.5—6, 14—15). Николай рассматривает вопрос о том, в каких случаях зависимые люди (*ὑπορρυθνέες*) монастырей должны освобождаться от государственной повинности (№ 96.5—10); он защищает частный монастырь, основанный вдовой в память мужа, от притязаний местного епископа (№ 43.7—17) и, напротив, карает епископа, превратившего монастырь в частную усадьбу (№ 182.22—25).

Два письма касаются вопроса о стратии (*στρατία*). Клирики Никен жаловались, что их привлекают к мирской стратии — патриарх протестует против этого, ибо обслуживающих святыни не следует обременять «стратиотскими литургиями», как не следует использовать даже в общественных целях подаренные храму ткани, серебро, бронзу или [драгоценные] камни (№ 150.8—10, 25—28). В другом письме патриарх ходатайствует об освобождении какого-то человека от стратии, обосновывая свою просьбу неожиданными словами: «Я думаю, что его мужество и его опыт в военных делах делают ненужным его привлечение [к службе], особенно если учесть, что к стратиотской службе призывается юношество» (№ 169.6—10). Что это за мирская стратия или стратиотская служба, которой не следует обременять опытного воина и к которой принуждают иерейских священников и диаконов? Означает ли этот термин непременно воинскую повинность, как переводят Дженкинз (стр. 467, 497) и Вестеррик (стр. 582, 587), или, может быть, он употреблен здесь в более общем значении — повинность по обслуживанию армии?²³ Привлечение клириков в армию было бы прямым

нарушением канонического права — но патриарх в своем протесте не опирается на каноны, а только ссылается на привилегию, данную городу Никее (№ 150.36—37).

О стратиотах-воинах говорится в письме № 170, где Николай старается защитить от их насилиев проастиев своей невестки—вдовы патрикия и друнгария виллы Иоанна. Он понимает, что стратиоты трудятся на общее благо и, будучи людьми, нуждаются в «жизненном утешении», но пусть они ведут себя так, чтобы хозяева земель, где располагаются стратиоты, не чувствовали себя пленниками, а воины не превращались из спасителей во врагов (№ 170.5—15).

Это лишь отдельные примеры. Представляется весьма плодотворным проследить в переписке Николая терминологию новелл Романа I Лакапина («бедняки» и т. п.) и выяснить, не существовала ли эта идея заботы о бедняках в византийской политической мысли еще до законодательства Македонских императоров. В целом новое издание писем Николая Мистика расширяет наши знания о Византии и сопредельных с ней государствах. Письма хорошо изданы, снабжены надежным переводом. В аппарате, нам кажется, следовало бы систематически отмечать лексические совпадения между письмами (см., например, № 18.39—40=№ 19.25—26, № 18.49—50=№ 19.27, № 18.50—53=№ 19.27—31, № 18.82—88=№ 19.33—39 или № 23.79—85=№ 26.44—50, № 23.86—89=№ 26.52—53, № 23.90—92=№ 26.60—62, № 23.101—103=№ 26.73—74). Не означает ли такая лексическая близость и хронологической близости? Очень важна работа Вестеррика по пересмотру датировок писем — однако, как мы видели, и его даты не всегда бесспорны. По-видимому, новая публикация даст толчок к новым дискуссиям: в частности, следует проверить, в самом ли деле до нас не дошли письма от времени первого патриаршества Николая.

нее этой службе» (P. Lemerle, Esquisse pour une histoire agraire de Byzance, „Revue historique“, 220, 1958, стр. 49. Ср. стр. 58, прим. 1, стр. 60, прим. 4). Лемерль идет дальше и допускает, что стратиот — не воин. См. об этом А. П. Каздан, Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV—XI вв., «Византийский временник», 16, 1959, стр. 59, прим. 10.

А. КАЖДАН, Р. БАРТИКЯН

²³ «Стратия — говорит П. Лемерль, основываясь на новеллах X в., — в техническом смысле есть особая форма службы... в пользу армии и определенное количество земли в условном владении, соответствующее